

Кибальник Сергей Акимович

*доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
(Российская Федерация, Санкт-Петербург)
kibalnik007@mail.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.9

МЕМУАРЫ БЕЗ КУПЮР: ДОСТОЕВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ, ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ И ДНЕВНИКАХ НА САЙТЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Аннотация: На портале Пушкинского Дома размещен ряд материалов по теме «Русские писатели 1860-х — 1880-х годов в забытых воспоминаниях, записных книжках и дневниках»: помещены мемуарные книги М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева, Х. Д. Алчевской, С. А. Берс, П. Д. Боборыкина, П. В. Быкова, Е. Н. Водовозова, П. А. Гнедича, г. К. Градовского, Д. В. Григоровича, А. Г. Достоевской, А. Ф. Кони, В. Г. Короленко, А. Лескова, С. Ф. Либровича, В. П. Мещерского, В. Микулич, Н. А. Лейкина, А. П. Михайловского, А. П. Милюкова, Н. К. Михайловского, А. Н. Мошина, А. В. Никитенко, И. И. Панаева, Л. Ф. Пантелеева, А. А. Плещеева, А. Н. Пыпина, М. К. Салтыкова, А. М. Скабичевского, Н. Я. Стечкина, С. Л. Толстого, А. П. Сусловой, Н. А. Тучковой-Огаревой, Н. В. Успенского, Е. М. Феоктистова, А. А. Фета, Н. В. Шелгунова и Л. П. Шелгуновой, Е. А. Штакеншнейдера, И. И. Янжула, И. И. Ясинского и др. (к книгам В. Микулич и И. И. Ясинского отдельно помещены новые и весьма обширные комментарии Б. Н. Тихомирова), воспроизведен ряд журнальных и газетных очерков, причем некоторые из них, в частности: Д. Н. Садовникова, Н. М. Павлова, П. Райского (И. И. Колышко), Ф. П. Чуфрина и Н. Миляева – в сопровождении детального текстологического и историко-литературного комментария, размещены «Воспоминания о Достоевском» А. И. Сувориной, ранее публиковавшиеся не полностью, осуществлена подготовка полного текста этих воспоминаний и комментария к ним, выполненная С. А. Кибальником. Им же публикуются по рукописям ИРЛИ РАН мемуарные очерки о Достоевском А. А. Зеленецкого и Л. В. Головиной, ранее напечатанные по другим спискам. Из рукописных материалов по невоспроизводимому ранее варианту размещена также статья В. А. Савостьяновой «В дополнение к Воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской» (подготовка

текста и комментариев Б.Н. Тихомирова). Впервые опубликованы некоторые рукописные материалы: относящиеся к биографии и творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина, К.Н. Леонтьева и А.П. Чехова.

Ключевые слова: мемуары, записные книги, дневники, Достоевский, архивы, рукописи

Что дает исследователю Достоевского знакомство с Интернет-ресурсом «Русские писатели 1860-х — 1880-х годов в забытых воспоминаниях, записных книжках и дневниках»?

В общем-то, многое: прежде всего проект делает огромное количество хорошо известных материалов (таких, например, как дневники Аполлинарии Суловой или воспоминания Александра Милюкова) намного доступнее. Он же открывает и некоторые новые страницы в биографии Достоевского.

Так, например, в варианте воспоминаний племянницы Достоевского Варвары Андреевны Савостьяновой, впервые опубликованном на страницах Интернет-проекта Б.Н. Тихомировым, с важнейшими указаниями на контаминированный и в то же время сокращенный вариант текста другого их варианта, опубликованного в антологии «Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников», находим следующую выразительную бытовую деталь:

Начался разговор, не помню о чем; но дядя (т. е. — Ф.М. Достоевский. — С. К.) был нервен, его видимо беспокоил насморк А<нны> Гр<игорьевны>, и он несколько раз обращался к ней: <“А<нна> Гр<игорьевна>, утри нос”. — <“Ах, Федор> М<ихайлович>, но что ж я буду делать, у меня такой сильный насморк” — и продолжала болтать. — <“Ан<на> Гр<игорьевна>, утри нос”>, — еще <с. 3> раз напомнил он ей, перебивая ее болтовню.

Это, конечно же, всего лишь мелочь, лишь отчасти характеризующая отношения Достоевского с женой, но насколько содержателен комментарий Б.Н. Тихомирова к этому тексту, в котором он показывает, что некоторые из свидетельств В.А. Савостьяновой (в частности, о сыне Достоевского Леше) навеяны воспоминаниями Л.Ф. Достоевской и вряд ли основаны на реальных событиях!

Другой пример. В воспоминаниях жены А.С. Суворина Анны Ивановны Сувориной впервые воспроизведено место, в котором рассказывается о том, что Достоевский присутствовал на любительском спектакле:

На одном из наших домашних спектаклей присутствовал и Фед<ор> Мих<айлович> Достоевский. Играли Островского “Доходное место”. Тогда эта пьеса имела громадный успех, роль либерального Жадова находила отклик у молодого поколения, всегда имела успех и была благодарнейшая роль для актера. Ставил пьесу у нас большой наш приятель Ник. Фед. Сазонов, Жадова играл Н. Пл. Карбчевский — красавец и знаменитый адвокат, очень талантливый актер и покоритель дамских сердец. И это была одна из его лучших ролей! Жenu его, глупенькую, но милую Полинку, или Полину, играла я, мою мать, т. е. тещу (типаж)

Жадова играла жена Ив<ана> Ник<олаевича> Крамского С. Н. Крамская. Сестру мою Юленьку играла дочь моего мужа, моя *belle fille* А. Ал. Коломнина и Викт<ор>Петр<ович> Буренин играл роль генерала Вышневого.

Вся пьеса держится на Жадове. Он дает тон всей пьесе. Затем идут роли Полины и матери. Со всеми нами, кроме, конечно, Жадова-Карабчевского, проходил Сазонов. Я никогда никого в этой роли не видела, и хотя я была бесстрашная и готова была играть, не читая даже пьесы, любую роль, хотя бы Леди Макбет, и начать спектакль пляской и пением простужки невоспитанной <?>, – но в этот раз я очень боялась, главное, боялась подвести Жадова, т. к. почти что лучшие его места все с “Полиной”. На репетиции он не вполне играл, я читала свою роль по указаниям режиссера. Одна Крамская играла на репетиции, и мне ужасно нравился ее тон. На генеральной репетиции было довольно много народу, но подъему не было, и я совершенно потерялась, тем более что слышала со сцены голос Н. Петр. Вагнера про меня, что я очень мила, – что-то в этом роде, а муж сказал, что, по его мнению, “она (т. е. я) как-то очень легкомысленно играет”. Услыхав это, я еще больше потерялась, ценя ужасно строгие, взыскательные, беспощадные, но искренние всегда и верные мнения Ал. Сергеевича. Я решила, что завтра буду играть, т. е. стараться играть Полину серьезнее и была совершенно какой-то потерянной. Жадов был недоволен мною.

Я смертельно боялась и с наслаждением бы отказалась, но это было невозможно уже. На спектакле была масса приглашенных, и когда я посмотрела в отверстие занавеса, то меня прямо сковал ужас. Первое лицо, что я увидела, это было лицо Достоевского, беседующего с Григоровичем, потом Я. П. Полонского в первом ряду из-за своих длинных костылей, Н. С. Лескова, Вагнера, <нрзб.> да много из наших отличных приятелей и посетителей наших воскресений, но Ф<едор> М<ихайлович> меня прямо подкосил! Я кинулась к Н. Ф. Сазонову, гримировавшему кого-то из наших, и 15 говорю, что я не могу играть, что умру, умираю, а он совершенно спокойно выводил какие-то тени на лице актера, говорит:

“Только, дорогая, не здесь, а на сцене... Там я не отвечаю...”. Я взглянула на себя в зеркало и ахнула: там в голубеньком открытом платице была не провинциалка Полинка, а какая-то трагическая маска. Сазонов просто расхохотался и прибавил, что прямо хоть сейчас трагедию ставь и гримировать не надо. Потом сжалился, страшно ласково-любовно клялся мне, что буду мило играть и буду иметь успех, а я твердила, что если бы только не Достоевский! Мне совестно перед ним наивничать, да и всех, сколько я помню, смутила моя весть о прибытии Достоевского, но все равно раздался звонок, взвился занавес, и надо было идти “умирать”!

Но странная вещь! Когда я очутилась на сцене, когда я поняла, что спасения мне нет, я твердо решила играть, как только могу веселее и живей, чтобы только не быть деревянной – умру, но сыграю! Слова Вагнера и Ал<ексея> Сергеевича исчезли из головы. Я всегда восхищалась на игру Крамской, эта ее упрямая, ничему не поддающаяся пошлость воззрений и взглядов на жизнь в сравнении с благородством, может быть, немножко и надуманным, Жадова, восхищала меня, и я твердо решила быть достойной дочкою своей маменьки.

И действительно приводила в ужас бедного моего мужа. Несмотря на его благороднейшие речи и монологи, я упрямо повторяла: “А маменька говорит, что ты можешь это сделать!.. Маменька лучше нашего с тобой знает!” После этих сцен я несколько раз слышала тихо “браво! браво!”, но я совершенно не понимала, за что? и кому? И неслась по течению. Несколько раз смеялись после моих наивных поучений мужу, мне даже самой было жаль Карабчевского-Жадова, когда его милая, глупенькая, но в сущности добрая Полянька доводила его до гнева.

Но все хорошо, что хорошо кончается, и мы, наконец, окончили под аплодисменты наше представление, выходим все, конечно, вместе за руки. В один из вызовов вижу, Достоевский взбирается к нам по лестнице из зрительного зала на сцену, по этой лестнице то взбирался, то спускался наш режиссер, мы, конечно, были польщены его к нам визитом. Поздоровавшись со сцены, он подошел к нам по лестнице из зрительного зала на сцену; по этой лестнице то взбирался, то спускался наш режиссер. Мы, конечно, были польщены его к нам визитом. Поздоровавшись со всеми, он подошел ко мне, смотрит, как всегда, как-то строго и серьезно говорит: “вы мне очень понравились, у вас настоящий драматический талант... Вы должны работать и изучать эстетику”. Потом, обращаясь к мужу, говорит: “А<лексей> С<ергеевич>, настаите, заставьте вашу жену заняться серьезно драматическим искусством!”. Ал<ексей> Сер<геевич> на это ответил, что я такая лентяйка, каких еще свет не производил. И после, за каждой нашей встречей с Ф<едором> М<ихайловичем> он всегда меня спрашивал: “Ну что? занимаетесь эстетикой?”. Я очень конфузилась всегда и не могла дать желанного ответа.

Не правда ли этот эпизод, к сожалению, опущенный в первой публикации очерка¹, вполне заслуживает быть восстановленным? Отношения Достоевского с А. С. Сувориным и его женой, характер и манера обращения писателя с его знакомыми здесь отразились в живом эпизоде, который производит весьма яркое впечатление.

Таких вот небольших ярких деталей и эпизодов, впервые представленных читателю, в рамках данного Интернет-проекта, не так уж мало. Что же говорить о забытых текстах – таких, как, например, «Воспоминания» студента Алексея Зеленецкого, ранее печатавшиеся, но воспроизведенные на страницах Интернет-проекта по иному списку.

Вот что говорит этому студенту Достоевский в ответ на его признание в неверии:

— Знаете что? Я бы и вас, и всех молодых людей с вашими взглядами сослал в каторгу. Что вы улыбаетесь? Право, сослал бы! От народа вы там научились бы веровать в Бога и чтить святую правду Его. Прежде всего уверуйте в Бога всеми фибрами вашего существа, в Христа-Искупителя, в Христа-Любовь. А затем, если вы почувствовали, что вам тяжело есть, пить и ничего не делать, и если действительно вам стало жаль бедных, которых так много, то отдайте им свое имение и идите работать на общую пользу и получите «сокровище на небеси там, где не копят и не собирают». Но не раздача имения обязательна, не надевание зипуна,

– все это лишь буква и формальность: обязательна и важна лишь решимость ваша делать все ради деятельной любви, все, что вы сами искренно признаете для себя возможным. Все эти старания «опроститься» – лишь одно переряживание, вас унижающее. Вы слишком «сложны», чтобы опроститься. Лучше мужика вознесите до вашей «осложненности». Будьте только искренни и простодушны; это лучше всякого опрощения. Не говорите также: «не дают ничего делать», «связывают руки» и проч. Кто хочет приносить пользу, тот и с буквально связанными руками может сделать бездну добра. У нас одно изучение России сколько времени займет, потому что ведь редко какой человек у нас знает Россию. У нас, в России, надо насаждать истинные понятия о свободе, равенстве и братстве. Ныне полагают свободу в разнузданности страстей, тогда как истинная свобода состоит лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного совершенства, чтобы всегда быть настоящим хозяином самому себе. Ныне полагают свободу в денежном обеспечении, а в сущности это не свобода, а рабство деньгам.

Звучит весьма актуально, не правда ли?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Перлина Н. М. Достоевский в воспоминаниях современников // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 295–304.